

УДК 37

А. А. Грушка как толкователь Аристотеля*

Михаил Михайлович Позднев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.pozdnev@spbu.ru

Для цитирования: Позднев М. М. А. А. Грушка как толкователь Аристотеля. *Philologia Classica* 2022, 17 (2), 321–330. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2022.211>

Статья «Максим Горький как толкователь Аристотеля. К теории трагического очищения», написанная крупным московским латинистом А. А. Грушка в 1929 году, незадолго до смерти, заслуживает интереса как документ эпохи, несчастливой для русской науки и культуры в целом. В этом любопытном, довольно пространным, этюде повествуется, в частности, о том, с какой необычайной прозорливостью и художественной силой Горький раскрыл в одном из своих ранних творений — повести «Тоска» — сущность процесса, который Аристотель понимал под катарсисом. Грушка ранее не писал на греческие сюжеты, и время создания статьи было исключительно неподходящим для такого рода дискуссии. Замечая небрежность, с которой он пересказывает, казалось бы, ключевую для своего рассуждения сцену из названного произведения Горького, невольно приходишь к выводу, что Горький, предмет его восхищения в 1900-е годы, в конце 1920-х, когда «пролетарского писателя» восхваляла советская пропаганда, перестал представлять для него какой-либо интерес. Ностальгические мотивы в статье Грушка выдают его истинное настроение. Статья была написана по необходимости и второпях, с многочисленными включениями *Lesefrüchte* широко образованного автора — чтобы спасти то, что, как он наивно полагал, еще можно было спасти.

Ключевые слова: А. А. Грушка, Аристотель, *Поэтика*, Горький, катарсис.

Чувствовать время приходится и в науке. Особенно это заметно на примере масштабных вопросов и крупных ученых. Если один из плеяды блестящих филологов-вербалистов в России конца 1920-х годов берется объяснить термин «катарсис» в «Поэтике» Аристотеля, то историко-научный интерес к такой работе едва ли не

* Мы признательны Е. В. Скударь за помощь в библиографических поисках.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

выше чисто филологического. Речь о статье Аполлона Аполлоновича Грушка,¹ озаглавленной «Максим Горький как толкователь Аристотеля. К теории трагического очищения».² Титул не должен вводить в заблуждение: автор подробно обсуждает проблему катарсиса и предлагает новую иллюстрацию к толкованию известного места гл. VI «Поэтики» (1449b28).

Статья прошла незамеченной: ни у западных, ни у здешних эллинистов не нашлось повода ее цитировать. Для решения дискуссионного вопроса большого ущерба при этом не возникло — вскоре поймем почему. Однако историки русской филологии должны, думается, проявить к статье Грушка некоторое внимание. Во-первых, статья о катарсисе — его последний научный труд. Текст подписан маем 1929 года. Грушка умер 20 сентября. Напечатанная в 1930 г. в «Известиях АН СССР», статья была «представлена академиком С. А. Жебелёвым в заседании Отдела гуманитарных наук 19 декабря 1929 года».³ На стр. 79–80 тома М. М. Покровским помещен некролог, довольно скупой, на наш взгляд;⁴ стр. 446–448 занимает подписанная С. А. Жебелёвым и В. П. Бузескулом «Записка об ученых трудах проф. А. А. Грушки», к которой приложен список избранных печатных работ. Любопытно, почему вдруг латинист, никогда не писавший о спорных местах в греческих текстах, под занавес жизни (он был тяжело болен) взялся за тему, истоптанную грецистами.

Текст Грушка примечателен и в другом отношении: это едва ли не единственная опубликованная русским ученым до 1990-х годов статья, посвященная исключительно проблеме катарсиса трагедии.⁵ Работа Меликовой-Толстой «Zur aristotelischen Lehre von der Wirkung der Komödie» касается эмоционального воздействия другого жанра; созданная в 1928 г., она появилась в печати лишь в 1997 (в русском переводе).⁶ Конечно, катарсису отданы многие страницы в трудах отечественных ученых. Но специального исследования не было. В западноевропейских филологиях регистрируются многие десятки подобных этюдов, не говоря уже о том интересе, который проявили к проблеме корифеи европейской литературы — Мильтон, Корнель, Гете, Брехт. У нас — только Грушка. Поучительный факт. Загадочное «очищение страстей» — один из сюжетов, показывающих, насколько влиятелен в обществе филологический интерес к античности. В старой России умножались классические гимназии, возникали журналы, крупные институты, занятые изучением античного наследия; вживавшаяся в античность русская культура ждала возрождения. Как мы теперь видим, вполне напрасно: общество не прониклось тем интересом, который насаждало правительство. За кризисом и гибелью «классической системы» последовали революции, уничтожившие без остатка все замечательные инструменты государственного классицизма. В конце 20-х годов не существовало

¹ Фамилию «Грушкá» не склоняем; см. Скударь 2017, 6–7.

² Анализ тезисов Грушка в общем контексте катартического дискурса: Позднев 2010, 550–553; там же (см. библиографию, стр. 744 слл.) нами освещено изучение катарсиса в отечественной литературе XIX — начала XX в. Отметим, что первая попытка объяснить пассаж «Поэтики» регистрируется у нас лишь в 1854 г., в составе комментария к «Поэтике» Б. И. Ордынского (Позднев 2010, 482).

³ Грушка 1930, 113.

⁴ Грушка критиковал Покровского в «Этюдах по латинскому словообразованию», тот отвечал, полемика растянулась на годы: Жебелев, Бузескул 1930, 447.

⁵ Если не принимать в расчет рецензию А. И. Доватура на книгу А. Ничева *L'énigme de la catharsis tragique d'Aristote* (1970): ВДИ 1974, 127, 172–179.

⁶ См. Меликова-Толстая 1997, с предисловием публикатора. Авторский перевод не был закончен, см. ниже.

ни журналов, ни гимназий, ни каких-либо образовательных учреждений, нацеленных на подготовку классических филологов. Здесь, естественно, и возникает вышеозначенный вопрос: почему Грушка в такое время взялся именно за эту тему? Мог ли он, впервые занявшись эстетической проблематикой, всерьез рассчитывать на то, что его этюд заинтересует русское образованное общество или тем более сдвинет с мертвой точки дискуссию, одна история которой способна стать предметом книги?⁷ Грушка поясняет катарсис через литературные параллели, причем обращается и к новым, понимая, конечно, что имеет дело с антропологическими константами. Необычный метод, но можно предположить, что на этом поле автор чувствовал себя увереннее. О том, что античные мотивы в литературе нового времени он обсуждал с учениками, можно судить по тому, что самый преданный из них, Ф. А. Петровский,⁸ писал на эти темы.

Историю создания и различные, не всегда очевидные, интенции этого текста, обсудим позднее. Сперва — о чем, вкратце, статья. Грушка отправляется от мнения Б. В. Варнеке, высказанного в «Наблюдениях над древнеримской комедией». Тот цитирует идеалистическое понимание катарсиса по Целлеру: «искусство просветляет и успокаивает аффекты, приурочивая их не к личному, а к общечеловеческому»,⁹ — и ошибочно объединяет с этим пониманием фрагмент комедиографа Тимокла (6 К.-А.), который обычно приводят в подтверждение совершенно другой теории: трагедия приносит облегчение чисто эгоистического плана, так как героям трагедий приходится хуже, чем зрителю.¹⁰

Теория *калькуляции страданий*, неверно понятая Варнеке, иллюстрируется в статье множеством примеров. Обладая феноменальной литературной эрудицией, Грушка упоминает тексты, мало полезные для его тезисов, но ценные для прояснения самых различных вопросов античной поэтики. Варнеке опровергнут довольно резко — что может удивить, учитывая их с автором «полное взаимопонимание, общность интересов и теплоту отношений»,¹¹ сохранившиеся и в трудные годы: «Б. В. Варнеке, — если выразиться при помощи эффектного Цицероновского *ὄξύμωρον* (*De fin.* IV, 76), — привлек *simile dissimile*, что, разумеется, лишает всякой убедительности тот категорический вывод, который делается русским исследователем относительно ближайшего смысла Аристотелевской формулы» (122). Правильным решением вопроса о катарсисе Грушка считает «гомеопатическую» теорию Бернайса. Пишет, что Бернайс высказал ее во многих работах (на самом деле, в одной, позднее перепечатанной¹²), и в поддержку Бернайса цитирует Герхарда

⁷ Масштаб проблемы ему, конечно, известен: он упоминает нескольких знаменитых участников катартического дискурса, например Лессинга (стр. 125).

⁸ Которого известный фольклорист Ю. М. Соколов в одном раннем письме иронично называет «адъютантом Аполлона Аполлоновича»: Скударь 2017, 60. Отклик в науке имели очерки Петровского «Крылов и античная басня» (в сб.: А. И. Доватур [ред.] Язык и стиль античных писателей. Ленинград, ЛГУ, 1966, 144–155) и «Античные мотивы в комедии Островского “Не было ни гроша, да вдруг алтын”» (в сб.: А. И. Болтунова [ред.] Культура античного мира. Москва, 1966, 197–204).

⁹ Варнеке 1905, 29; ср. Позднев 2010, 496, прим. 697.

¹⁰ Тимокл, вероятнее всего, отзывается на спор современников, но за его карикатурой (ὁ νόσων τι μανικὸν Ἀλκίεων' ἔσκηψατο. / ὀφθαλμῶν τις εἰσι Φινεΐδαι τυφλοί — ни Варнеке, ни Грушка, ни многие другие юмора не заметили) трудно уловить положительное содержание, тем более такое, которое отражало бы высказанную в «Поэтике» мысль.

¹¹ Скударь 2017, 129.

¹² Позднев 2010, 483, прим. 630.

Ленерта (в действительности, Ленерт понимает катарсис иначе, говорит о транквилизирующем, опустошающем действии на психику сильных эмоций).¹³ Весьма убедительно в статье отвергнуто как моральное, так и религиозное понимание «трагического очищения». Автор настаивает на *similia similibus*: «Очищение от аффектов сострадания и страха благодаря трагическому представлению является результатом естественной реакции, возникающей в душе театрального посетителя как следствие искусственно усиленных и как бы разогретых восприятием трагедии соответствующих чувствований» (123).

Центральная, важная, — как видно и по объему, и по заявлениям самого автора, — часть статьи насыщена литературными параллелями. Тут читателю приходится нелегко: цитируемые места никак не подкрепляют гомеопатическое *clavo clavum*. «Плач людей вызывается тем, что актуально-данное трагическое событие заставляет вибрировать в человеке то, что лежит у него на сердце» (126). Об этом — все цитаты. Много Гомера, герои которого, действительно, обычно плачут «в сердце» о собственном горе. «Nur der verwandte Schmerz entlockt uns die Träne, und jeder weint eigentlich für sich selbst», — сказал Гейне, «вполне бессознательно» комментируя Гомера (128). Своими параллелями Грушка объясняет механизм возникновения и крайнего напряжения болезненных эмоций — *теорию солицитации*. Но эксплицитно говорится о другом, «о чем-то таком, что дает человеку исход и следственно облегчение от тяготеющей над ним душевной тяжести» (129).

Статья делится на 9 разделов. Предпоследний содержит позаимствованную у Ленерта цитату из «Вильгельма Мейстера» — о целительном смысле музыки (131). Грушка привел цитату, чтобы доказать, что Гете-писатель бессознательно, интуитивно понимает мысль Аристотеля правильнее, чем Гете-филолог.

Следует последний раздел, две страницы о Максиме Горьком, ради которых — так по внешности — написана статья. Наглядную иллюстрацию теории Бернайса Грушка находит в повести Горького «Тоска» (1896). Запивший от тоски мельник Тихон Павлович сидит в трактире и слушает, как пишет Грушка, «исполняемую трактирной певичкой сентиментально-грустную песню. Нечто наполняло собой все жилы, очищало кровь [нотабене], тревожило его тоску и, развивая ее и увеличивая, все больше смягчало». По мнению аналитика, русский реалист в этом пассаже наглядно проиллюстрировал теорию Бернайса, «протянув руку великому Стагириту через огромное пространство двух тысячелетий» (133–134).

Таково содержание. Теперь — об истории и мотивах создания. Чтобы не уходить сразу далеко от текста статьи, приведем несколько мест, характеризующих Горького и его — позволим себе вкосвое суждение — ничем не выдающееся произведение: «Самый блестящий, никем не превзойденный художественный комментарий к тексту Аристотеля, понимаемому в духе Бернайса, мне довелось найти у Максима Горького в его превосходной повести “Тоска”, где, между прочим, дана изумительная по психологической точности сцена... и т. д.»; «по отношению к этому замечательному эпизоду все остальные иллюстрации, заимствованные мной из самых разных источников, начиная с Гомера и кончая Гете <...>, являются лишь своего рода пропилюями, ведущими к окончательной разгадке туманной формулы Аристотеля» (132); «едва ли можно представить себе что-нибудь более яркое, тон-

¹³ Грушка 1930, 123; Грушка совершенно напрасно критикует Новосадского, который эту разницу разглядел; ср. Позднев 2010, 524–526.

кое и меткое в подтверждение того, что имел в виду Бернайс»; «поистине замечательно, что М. Горький <...> силой своей изумительной художественной интуиции <...> с неподражаемым мастерством вскрыл существо того душевного процесса, который несомненно имелся в виду Аристотелем» (133). Если не хватило, добавим: «натиск подлинного, ничем не смущаемого и не отвлекаемого художественного вдохновения [т. е. Горького]»; «счастливое обретение ими [т. е. «гениальным философом древности» и «крупным русским художником слова»] того, что именуется истиной».

Всем известно, что нужно было от Горького советскому правительству в конце 20-х годов и какие в связи с этим возникали коллизии.¹⁴ После шестидесятилетнего юбилея писателя, жившего в Сорренто, когда его поздравляла чуть не вся мировая литературная элита, Сталин изо всех сил старается назвать Горького в страну. Следует первый приезд летом 1928 года. Через год, после печально знаменитого посещения Соловков, Горького восхваляют в СССР так, как, наверное, ни в одной стране никогда не восхваляли ни одного писателя. Стоит отметить и другое обстоятельство: ровно тогда же, в 1928–1929 годах, происходит травля Жебелева, изгнанного в 1927 году из Ленинградского университета. В Академии наук проходят чистки, под угрозой все, чьи труды и даже научные результаты цитируются учеными за границей. Меликова-Толстая, написавшая свою статью о катарсисе комедии по-немецки, отказалась от публикации.¹⁵

Поспешим оградить ученого от возможных обвинений в оппортунизме. Увлечение Горьким действительно имело место в его жизни. В опубликованном Н. А. и Ник. А. (sic!) Басаковыми письме Ф. Е. Коршу, учителю Грушка, последний сообщает о своих литературных пристрастиях, в частности, следующее: «... отчасти перечитываю, отчасти вновь читаю Гейне, которым восхищаюсь даже больше чем Горьким». Затем повествуется, как родители пишущего встретили Горького в Нижнем «и не только видели, но (о счастливые) разговаривали с ним и даже целовали его трехлетнюю дочку».¹⁶ Письмо датировано 1901 годом. Приводим ценный для нашей темы комментарий Е. В. Скударь: «В это время Горьким восхищались многие. До 1901 года вышли все романтические произведения Горького, в 1898 году в Петербурге были изданы его “Очерки и рассказы”. В 1899 написаны рассказ “Двадцать шесть и одна” и роман “Фома Гордеев”, а в 1901 пьесы “Мещане” и “На дне”. “Мещане” были поставлены в Вене и Берлине. К Горькому пришла европейская слава. Он был в большой моде в среде дворянской интеллигенции. Позже, в 1905 году, когда Горького посадили в Петропавловскую крепость, в его защиту выступил известный швейцарский философ и писатель Йозеф Видман — родной дядя жены А. А. Грушка Ульяны Михайловны».¹⁷ Итак, пик интереса Грушка к творчеству Горького приходится на начало века; именно тогда ему, вероятно, и «довелось найти» в рассказе «Тоска» наглядную — как ему тогда же и показалось — иллюстрацию

¹⁴ Об истории возвращения Горького в СССР см., прежде всего: Сарнов 2009, 110–140.

¹⁵ И стала переписывать текст по-русски, но не закончила: см. предисловие публикатора к изданию перевода: Меликова-Толстая 1996, 12.

¹⁶ Басаковы 1996, 137, ср. также далее: «От великого до смешного — один шаг, а потому вслед за Горьким родители натолкнулись (уже на пароходе) на Коку Соколова, который хотел даже писать об этой восхитительной встрече в Пятигорск, так что мое известие окажется, вероятно, предвосхищенным». (Корш жил тогда в Пятигорске.)

¹⁷ Скударь 2020, 75.

к Бернайсовой теории катарсиса. Осталось ли это, разделяемое многими, восхищение неизменным спустя без малого тридцать лет, в совершенно иной политической и жизненной обстановке?

В январе 1928 г. Грушка был избран в члены-корреспонденты АН СССР. Жебелёв и Бузескул отмечают следующее: «В течение того безвременья, на которое обречена была у нас классическая филология за последние 10 лет, А. А. Грушка продолжал неустанно работать, хотя и не имел возможности напечатать такие свои труды как “о некоторых античных исагогических понятиях и терминах”, “о судьбе долгих гласных по положению пред некоторыми группами согласных в италийских языках”, “о латинских именных образованиях”, “лексические unica из interpretamenta латинских глоссариев”. Не мог он найти издателя и для переведенных им на русский язык *Epistulae morales* Сенеки». ¹⁸ При этом правительстве Грушка не дали опубликовать даже перевод «Нравственных писем». Спрашивается, как мог он относиться к писателю, которого так превозносило это правительство? Хотя Грушка не публиковался на Западе, но западные коллеги-латинисты его много цитируют. ¹⁹ В 1925 году он подвергся аресту, провел в тюрьме месяц. Просившие за него писали тогда, что он болен диабетом. К этому присоединилась опухоль гортани — осложнение полученной в тюрьме сильной простуды. О его любви к жене и дочерям, которые, как он понимал, скоро осиротеют, мы хорошо знаем благодаря публикациям Елены Скударь.

О том, что пафос статьи в части комплиментов Горькому едва ли был вполне искренним, позволяет судить и сам ее текст. Грушка пишет, что песню, которая, якобы, произвела на Тихона Павловича катартическое воздействие, исполняет «трактирная певичка». На деле поющих трое, причем Горькому этот момент важен. Герои спорят друг с другом о том, как надо петь. Безрукий произносит целый монолог о мгновенном влиянии на душу грустной песни: «Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все в действие. Тут уж начнется прямо бешенство — чего-то хочется и ничего не надо! Тоска и радость — так все и заиграет радугой!» Этот «поэтологический» спор, кстати, свидетельствует о том, что Горький и о воздействии музыки пишет, и само сочетание «очищает кровь» вставляет, по всей вероятности, отнюдь не «бессознательно» и будучи «совершенно не осведомлен о всей этой научной контрверсии». Потом все трое поют, Костя, Таня и Безрукий. Все они — посетители, такие же как Тихон, никакой «трактирной певички» нет. Неточность показывает, что Грушка читал своего главного референта совсем не так внимательно, как он читал, например, Гомера. Видимо, он открыл книгу на том месте, где поставил на полях свое нотабене в счастливые времена восхищения Горьким. Подчеркнутый элемент бессознательности свидетельствует об изменившемся отношении позднего Грушка к Горькому, так же как презрительное «трактирная певичка» — о его отношении к тем героям, которых Горький поэтизирует.

¹⁸ Жебелев, Бузескул 1930, 448.

¹⁹ Там же, 447–448: «Насколько ценны те результаты, к которым пришел в своих “Этюдах” и “Спорных вопросах” А. А. Грушка, можно судить хотя бы по тому, что базельская диссертация проф. Брендера “*Die rückläufige Ableitung im Lateinischen*” (1920 г.) построена в значительной степени на трудах русского ученого, на которые немецкий исследователь и ссылается чуть ли не на каждой странице». Использование работ Грушка западными учеными также отмечает Покровский в некрологе.

Шила в мешке не утаишь. Вчитавшись внимательнее, тотчас увидим, какое жизненное настроение владеет автором. С ностальгией он вспоминает о постановке исторической драмы М. Н. Бухарина «Измаил» «в московском театре Корша». ²⁰ «При всяком неблагоприятном обороте судьбы самым злополучным видом несчастья является сознание былого счастья» — грустная мысль Боэция, не имеющая к проблеме катарсиса совсем уже никакого отношения, повторяется на разные лады, иллюстрируется разными текстами, в том числе Данте и А. де Мюссе (с «чудесными строками» про «*souvenir heureux dans les jours de douleur*»). В просторном, на две страницы, примечании Грушка цитирует отрывок из «Троянок» Сенеки, со следующей преамбулой: «Этот поэт-философ с жестоким реализмом отмечает одно очень распространенное (и имеющее, между прочим, крупное социологическое значение) свойство средних людей — недоброжелательное отношение их к чужому благополучию, в особенности обостряющееся при наличии личного несчастья» (121). Приводится не только латинский текст знаменитого хора (Tr. 1009–1023), но — с благодарностью — и неопубликованный перевод Сергея Соловьева (который через два года будет арестован). «Крупное социальное значение» сказанного свойства Грушка и его семья испытали на себе.

В последнем примечании к статье, также двухстраничном и, судя по назидательному тону, особенно важном для автора, Грушка отсылает к словам Сенеки: «*non praeceptor veri sed testis est*», предпосланным очерку в качестве первого из четырех (!) эпитафий. «Очень хотелось бы, чтобы читатели поняли этот эпитафий несколько шире — как общий лозунг для писателей-художников, задача которых — не в учительстве, не в проповеди “долженствующего” (что является специальным и вполне законным предметом публицистики), а в точном и правдивом свидетельстве о сущем». В союзники на этот раз приглашены Гейне («*ein bisschen Nichtigkeit gehört immer der Poesie*») и Пушкин («поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»). «В этой сознательно-наивной форме — комментирует Грушка — оба поэта высказывают глубоко верную мысль, что поэзия должна избегать чрезмерной идейной нарочитости» (132–133, прим. 2). Прозорливый «толкователь Аристотеля» побуждал, напротив, «вызвать к жизни пролетарскую литературу во всех странах мира» и настаивал на том, что «каждый литератор является вождем его читателей». ²¹ На таком фоне тезисы Грушка звучат не только смело, но и трагично.

Лингвисты к литературоведческой проблематике зачастую относятся скептически. В других статьях Грушка нет того хаоса примеров, который содержит эта. ²² Он постоянно цитирует «попутно», «на всякий случай», потом «еще на всякий случай». ²³ Нотабене, опять нотабене. Длинные цепи иллюстраций, по собствен-

²⁰ Грушка 1930, 117: «Зрители райка, к числу каковых принадлежал и я, бешено аплодировали, вызывая не Светлова, а... Суворова».

²¹ Горький 1934, 53–54.

²² Грушка известен как лингвист, однако писал и филологические работы о римских авторах (латинский труд о языке Кагулла 1891 г. был удостоен золотой университетской медали: Илюшечкина 2010, 199) и, например, об античных каламбурах (Гермес 1911, 1–6).

²³ Нужно опять-таки предотвратить упрек в том, что Грушка умножает иллюстрации с целью нагнать объем: пары страниц о Горьком для статьи с таким названием явно недостаточно. Большая часть параллелей, если не все они, так или иначе полезны исследователям античной эстетики. Цитируемые на стр. 125–128 пассажи Гомера существенны для интерпретации сцен Фемия и Демодока (хозяйява перебивают, а слушатели защищают певца). Между прочими примерами упомянуто место «Одиссеи», 15, 399–401, слова, обращенные главным героем к свинопасу Эвмею: κήδεσιν ἀλλήλων

ному признанию автора, «почерпнуты при случайном чтении». Впечатление, что перед нами читательский дневник, заметки на полях. Так статьи никто не пишет, так — даже при известной склонности к риторическим отступлениям²⁴ — не писал их и сам Грушка. Объяснение напрашивается: этот очерк нужно было создать, и создать быстро, использовав то, что накоплено за годы аналитического чтения. Толчком к написанию статьи было избрание членом-корреспондентом Академии наук. Повод снова заглянуть в томик Горького дали комментированный перевод «Поэтики» Новосадского и труды Меликовой-Толстой, которая читала «Поэтику» на филологическом факультете, делала о катарсисе доклады. Приезжая в Москву, она останавливалась в доме Грушка.²⁵ Но причина, по которой возникла эта удивительная вещь, кроется в обстоятельствах жизни ученого. Поэтому для понимания последней его работы примечания становятся важнее основного текста, и многое — самое важное! — нужно читать между строк.²⁶

Литература

- Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А. *Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки*. Москва, Наука, 1989.
- Варнеке Б. В. *Наблюдения над древнеримской комедией*. Казань, Тип. Ун-та, 1905.
- Горький М. *Советская литература: вступительное слово, доклад, речь и заключительное слово на Первом Всесоюзном съезде советских писателей*. Москва, ГИХЛ, 1934.
- Грушка А. А. Максим Горький как толкователь Аристотеля. К теории трагического очищения. *Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук*. 1930, 2, 113–134.
- Жебелев С. А., Бузескул В. П. Записка об ученых трудах проф. А. А. Грушки. *Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук*. 1930, 2, 446–448.
- Илюшечкина Е. В. Грушка Аполлон Аполлонович, в кн.: А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков (сост.) *Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь*. Москва, Российская политическая энциклопедия, 2010, 199.

τερπόμεθα λευγαλέοισι / μνωμένω· μετὰ γάρ τε καὶ ἄλγεσι τέρπεται ἀνὴρ, / ὅς τις δὴ μάλα πολλὰ πάθῃ καὶ πόλλ' ἐπαληθῆ — что дает важную параллель для дискуссионных стихов из второй части Феогнидова Сборника (1041–1042: Δεῦρο σὺν αὐλητήρι· παρὰ κλαίοντι γελῶντες / λίνωμεν, κείνου κήδεσι τερπόμενοι). Сходство очевидно; учитывая, что Одиссей здесь говорит о себе, возможно, и мегарский поэт, сочиняя стихи, которые обычно трактуют как намек на печальную музыку авла (подробно: Позднев 2007), в действительности думает о собственных скитаниях. Правда, Феогнида Грушка не вспоминает, но «мотив симпатических эмоций» как аргумент в пользу унитарной теории рассчитывает осветить в специальном этюде.

²⁴ Замечателен в этом смысле очерк «Полстранички из истории культуры» (Гермес 1913, 1–13), в котором Грушка легким и занимательным стилем, ничуть не скрадывающим, скорее даже подчеркивающим его филологическую ученость и лингвистическую подготовку, обосновывает нетривиальную этимологию латинского *pistrinx* (по аналогии с *nutrix*), доказывая, что приготовления хлеба в Риме первоначально было делом женщин.

²⁵ Скударь 2017, 64.

²⁶ Анализ отношений Горького и Сталина в кн. Бенедикта (см. прим. 13) подтверждает для нас, что цели, которые преследовал Грушка своей статьей, не могли привести к желаемым результатам: Сарнов 2009, 138: «Даже на Первом съезде писателей, где ему [Горькому], казалось бы, была назначена не просто важная, а по-настоящему **главная** роль, на самом деле роль эта была чисто декоративной. А когда праздник кончился и начались будни, предвидение пародиста [д'Актиля] (“Отвели большую клетку, подписали норму корму и повесили плакатик: — Буревестник. Тот, который”) сбылось уже почти буквально». Итак, то, что предчувствовал Грушка, случилось, несмотря на его попытку, не покривив душой, помочь своим близким: «...после его смерти в 1929 году его вдова была буквально вышвырнута из собственного дома на улицу вместе с вещами (в том числе с библиотекой и архивом профессора), груда которых была свалена на дворе и почти вся разворована. И это при том, что имелась охранная грамота, подписанная А. В. Луначарским!» (Скударь 2017, 23).

- Меликова-Толстая С. В. К учению Аристотеля о воздействии комедии. *Древний мир и мы* 1996, 1, 12–19.
- Поздnev М. М. Об одном мотиве застольной поэзии: Theogn. 1041 sq. *Philologia Classica* 2007, 7, 98–107.
- Поздnev М. М. *Психология искусства. Учение Аристотеля*. Москва — Санкт-Петербург, Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
- Сарнов Б. Сталин и Горький, в кн.: *Сталин и писатели*. Москва, Эксмо, 2009, I, 9–174.
- Скударь Е. В. *Профессор Московского университета А. А. Грушка. Страницы жизни*. Москва, Факультет журналистики МГУ, 2017.
- Скударь Е. В. Письма Аполлона Аполлоновича Грушка Федору Евгеньевичу Коршу: взгляд через столетие. *Греко-латинская лингвокультурология* 2020, 4, 67–79.

A. A. Gruška as an Interpreter of Aristotle

Michael M. Pozdnev

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; m.pozdnev@spbu.ru

For citation: Pozdnev M. M. A. A. Gruška as an Interpreter of Aristotle. *Philologia Classica* 2022, 17 (2), 321–330. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2022.211> (In Russian)

The article “Maxim Gorky as an Interpreter of Aristotle. Toward the Theory of Tragic Purification” written in 1929 by a A. A. Gruška a major Moscow Latinist and Wortphilologe of considerable renown writing, the last dean of the Department of History and Philology of Moscow State University, deserves the interest of scholars as a document of an era unhappy for Russian science. This curious verbose piece deals *inter alia* with the way M. Gorky “revealed through an extraordinary power of his literary prowess the very essence of the psychological process Aristotle understood under catharsis”. Gruška’s sketch went unnoticed in what was left of Classics in the 1920s Russia, the timing being exceptionally ill-chosen for any serious discussion of the kind. Analysing the careless way in which Gruška retells the seemingly pivotal for his article scene from Gorky’s story “Dreariness” (1896), one inadvertently comes to the conclusion that Gorky, Gruška’s favourite in the 1900s, by then had ceased to be of any considerable interest for Gruška, save for a nostalgic trip down the memory lane, while the article was written out of necessity and in haste, incorporating his miscellanea and Lesefrüchte to provide for what should be read between the lines.

Keywords: A. A. Gruška, Aristotle, *Poetics*, Gorky, catharsis.

References

- Baskakov N. A., Baskakov N. A. A. Academician F. E. Korsh in Letters of Contemporaries: To the History of Russian Philological Science. Moscow, Nauka Publ., 1989. (In Russian)
- Varneke B. V. *Observations on the Ancient Roman Comedy*. Kazan, Univ. Tipogr. Publ., 1905. (In Russian)
- Gorky M. *Soviet Literature: Introduction, Report, Speech and Final Layout at the First All-Union Congress of Soviet Writers*. Moscow, GIHL Publ., 1934. (In Russian)
- Grushka A. A. Maxim Gorky as an Interpreter of Aristotle. Towards the Theory of Tragic Purification. *Izvestiia AN SSSR. Otd. gumanitarnykh nauk* 1930, 2, 113–134. (In Russian)
- Zhebelev S. A., Buzeskul V. P. Note on the Scientific Works of Prof. A. A. Grushka. *Izvestiia AN SSSR. Otd. gumanitarnykh nauk* 1930, 2, 446–448. (In Russian)
- Ilyushechkina E. V. Grushka Apollon Apollonovich, in: A. Y. Andreev, D. A. Tsygankov (ed.) *The Imperial Moscow University: 1755–1917: Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2010, 199. (In Russian)
- Melikova-Tolstaya S. V. Towards Aristotle’s Doctrine on the Impact of Comedy. *Antiquitas perennis* 1996, 1, 12–19. (In Russian)

- Pozdnev M. M. On one Motif of Symptotic Poetry: Theogn. 1041 sq. *Philologia Classica* 2007, 7, 98–107. (In Russian)
- Pozdnev M. M. Psychology of Art. Aristotle's Teaching. Moscow — St Petersburg, Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ., 2010. (In Russian)
- Sarnov B. Stalin and Gorky, in: *Stalin and Writers*. Moscow, Eksmo Publ., 2009, I, 9–174. (In Russian)
- Skudar E. V. *Professor of Moscow University A. A. Grushka. Pages of Life*. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ., 2017. (In Russian)
- Skudar E. V. Letters of Apollon Apollonovich Grushka to Fyodor Evgenievich Korsh: a Look through the Century. *Greco-Latin Linguoculturology* 2020, 4, 67–79. (In Russian)

Received: 11.08.2022

Accepted: 29.10.2022